

на обязанности которого, между прочим, лежала и фильтровка посетителей желавших попасть к нам; предполагалось, что как старожил Лаврана Ма-чан-шань отлично осведомлен о всяком встречном и поперечном и лучше нас самих знает, кого следует допустить к нам, кого не следует. Что же касается до наших знакомых или тех, кого вообще, мы сами желали видеть, то они всегда имели к нам широкий доступ.

... Наконец мы готовы. Наш маршрут: через городок Сюань-фуа-тин, монастырь Гумбум, Синин—Лань-чжоу-фу.

Шестнадцатого февраля,

после раннего завтрака, наш маленький раз'езд выступил в дорогу: всё было обстоятельно налажено, осмотрено... Солнце значительно поднялось над вершинами гор и красиво озарило долину Сан-чу и окаймляющие ее горные скаты. Хвойный лес отливал стальной синевой, скрывая в своей гущине много интересного и поучительного. Монастырские золоченые кровли и их украшения — ганчиры ослепляли искристым прерывающимся блеском лучей, особенно сильно игравших на новом металлическом убранстве субургана — (книгохранилище)...

Лавран. Старшина с женой (амдо'ской).

Оставив Лавран, мы вскоре скрылись в одном из ущелий северных гор, круто поднимаясь по галечнику к перевалу. Нас сопровождали все тот же Ма-чан-шань с оруженосцем и четверо лихих кавалеристов из монастырского гарнизона. Вблизи перевала я уговорил старшину возвратиться домой к своим занятиям, так как на следующий день ему предстояли новые хлопоты по отправлению моего главного каравана в Лань-чжоу-фу. Ма-чан-шань смиренно повиновался, сошел с лошади, разостлал коврик и, пригласив меня сесть, вручил мне бронзовое изображение известной